

Два письма начала XVII в.
из Троице-Сергиева монастыря

Публикуемые письма находятся в составе ед. хр. № 360 Отдела рукописей библиотеки Польской Академии наук в Кракове под названием «Публичные бумаги Ходкевичей» (Papiery publiczne Chodkiewiczów). Откуда эти русские письма попали в рукопись с документами литовского магнатского рода? Ответ на этот вопрос позволяет дать анализ того комплекса материалов, в составе которого наши письма попали в № 360. В непосредственном

соседстве с письмами в № 360 находятся такие документы, как письмо Иоахима («Ефима») Смита «гетману» Яну Петру Сапеге (л. 609), грамота Прокопия Ляпунова тому же лицу (л. 627), челобитная Лжедмитрию II сына боярского из Ростова Никифора Нечаева с пометой на обороте, что ее следует «отдать гетману па[ну] Яну Петру Павловичю Сапеге» (л. 625). Это позволяет думать, что наши письма попали в рукопись в составе группы материалов из архива Яна Петра Сапег. Выходец из литовского магнатского рода, староста небольшого городка Усвята на русском пограничье, Ян Петр Сапега сделал большую карьеру в годы польско-литовской интервенции в Русском государстве, когда стал одним из главных гетманов «тушинского вора» — Лжедмитрия II. В 1608—1610 гг. именно он стоял во главе войск тушинцев, осаждавших Троице-Сергиев монастырь, поэтому появление в его архиве писем из монастыря вполне естественно: осаждавшие перехватывали гонцов, носивших грамоты из монастыря, а их бумаги, естественно, передавались военачальнику, руководившему осадой¹.

Архив тушинского «гетмана» сохранился, по-видимому, у его родственников — Сапег до середины XVII в. — периода бурного вторжения шведов в Речь Посполитую (знаменитый «потоп»), когда его целостность была резко нарушена. Большая часть бумаг попала в Швецию, откуда в 30-х годах XIX в. их вывез в Россию проф. С. В. Соловьев (ныне: ЛОИИ, колл. 124 (С. В. Соловьева)², часть бумаг, сравнительно небольшая, осталась у Сапег и после упорядочивания материалов родового архива уже в XIX в. вошла в состав сборника «Письма к Сапегам» (1604—1612 гг.) (ныне ед. хр. № 345 Отдела рукописей библиотеки Польской Академии наук в Кракове)³, часть бумаг (около 90 документов) в XIX в. попала в руки князя М. А. Оболенского и была опубликована его зятем,

¹ В так называемом «Дневнике Яна Петра Сапег», составленном одним из приближенных гетмана, записи о перехвате монастырских гонцов с грамотами встречаются неоднократно (см.: *Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII.* Lwów, 1901, s. 200, 204, 214).

² Большая часть бумаг Я. П. Сапег, привезенных С. В. Соловьевым, опубликована в издании: *Акты исторические*, т. II. СПб., 1841 (далее: АИ).

³ Здесь сохранилось, в частности, много писем Лжедмитрия II к Я. П. Сапеге.

Г. Д. Хилковым⁴ (ныне: ЛОИИ, колл. 145 Г. Д. Хилкова). Один из небольших фрагментов архива в этом процессе распыления фонда попал в сборник материалов из архива другого литовского магнатского рода — Ходкевичей.

Предположение о связи троицких писем с архивом Я. П. Сапеги подкрепляет то важное обстоятельство, что в коллекции С. В. Соловьева и в коллекции Г. Д. Хилкова вместе с письмами, адресованными Я. П. Сапеге, находится целый ряд воеводских отписок и писем частных лиц, посланных в Москву из Троице-Сергиева монастыря в период его осады тушинскими войсками. Имеющиеся на ряде писем в обеих коллекциях записи — краткое резюме их содержания на польском языке⁵ или пометы о прочтении (типа «czytany» или «czitany, ale nie zrozumiano do kogo pisano»)⁶ говорят также в пользу этого предположения.

В настоящее время известны тексты 20 грамот, посланных из Троице-Сергиева монастыря в период его осады⁷. Их можно условно разбить на следующие группы: отписки воевод, возглавлявших гарнизон⁸, и группы монахов царю⁹; большая группа писем, отправленных из монастыря людьми, сидевшими в осаде, знакомым и родственникам в Москву, и наконец, грамота властей монастыря населению одного из монастырских владений (волости Вохны)¹⁰. Авторы писем — люди самого различного социального положения и образовательного уровня: воевода князь Григорий Долгорукий, царевна Ксения Борисовна, монастырские старцы, стрелец, постригшийся в монахи после ранения, казачий атаман¹¹.

Для начала XVII в. это едва ли не единственный комплекс текстов, представляющих непосредственную запись живой разговорной речи лиц разного социального поло-

⁴ См.: Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

⁵ АИ, № 182/II, 242; Сб. Хилкова, № 39, с. 117.

⁶ АИ, № 182/I, 242/III.

⁷ Девять документов издано в АИ, т. II, восемь документов в «Сборнике князя Хилкова», два публикуются в настоящей статье, один (письмо некоего Кузмы Биликея известному дьяку Марку Поздееву) остается неизданным — ЛОИИ, колл. 124 (С. В. Соловьева), № 347.

⁸ АИ, № 181; Сб. Хилкова, с. 86—88, 114—117, 119—122.

⁹ АИ, № 241.

¹⁰ АИ, № 213.

¹¹ АИ, № 182, 242; Сб. Хилкова, с. 82—84, 110—114, 117.

жения, и в этом его особый интерес для исследователей истории русского языка¹². В состав этого комплекса, как показано выше, входят и два публикуемых письма. Первое из этих писем было написано 2, а второе — 4 июля. Поскольку осада монастыря продолжалась с сентября 1608 г. по январь 1610 г., тем самым определяется и время их составления — 2 и 4 июля 1609 г. Сопоставление дат дошедших до нас писем и документов, посылавшихся из Троице-Сергиева монастыря в Москву, показывает, что даты частных писем совпадают с датами посылавшихся в Москву воеводских отписок. Так, 29 марта датированы и отписка воевод и письмо Ксении Годуновой; сохранилась группа писем, датированных 27—29 июня, и отписка с сообщением о предпринятом 29 июня штурме монастыря и т. д. Очевидно, когда воеводы отправляли гонцов в Москву, люди, сидевшие в осаде, пользовались этим, чтобы отправлять с ними свои письма. О существовании такой практики прямо свидетельствует и «Дневник Яна Петра Сапеги»¹³.

Среди дошедших до нас писем из монастыря к началу июля относятся два: письмо атамана Сухоя Останкова келарю Авраамию Палицыну от 1 июля и письмо воеводы князя Г. Долгорукого от 3 июля к тому же лицу¹⁴. Очевидно, что воевода направил гонца к келарю в Москву, а авторы интересующих нас писем, Гурий Шишкин и Иван Гаврилов, воспользовались оказией чтобы отправить с ним свои письма.

Об И. Гаврилове нам ничего не известно. Судя по пояснению в адресе («что Ивашка у Данила живал»), у него в Москве не было своего двора, и жил он у другого человека или даже, может быть, был его слугой. Его письмо интересно для нас как написанное простым человеком, рядовым участником событий.

Гораздо больше известно о Г. Шишкине: помимо публикуемого текста — его письма к брату, сохранилось его письмо Авраамию Палицыну, написанное, очевидно,

¹² Другой подобный комплекс составляют письма, отправлявшиеся в 1609—1610 гг. из осажденного польско-литовской армией Смоленска. Значительная часть этих писем, хранящихся в колл. С. В. Соловьева, остается до сих пор неопубликованной.

¹³ См. записку от 11 апреля 1609 г.: «схватили трех стрельцов, которые вышли (из монастыря. — В. Ф.) с грамотами в Москву и при них найдено до пятисот писем к разным лицам» (*Hirschberg A. Op. cit.*, s. 214).

¹⁴ Сб. Хилкова, с. 117; АИ, т. II, № 242/1.

несколько позже 3 июля¹⁵. Упоминается Г. Шишкин также в письме группы троицких монахов царю с сообщением о штурме монастыря 28 июня¹⁶ и в «Сказании» Авраамия Палицына¹⁷.

Дьякон Г. Шишкин, «левого крылоса головщик», не занимал в монастыре видного положения (противники, укоряя его, говорили: «ты де еще пребываешь в учимых чину»), но во время осады, по-видимому, объединил вокруг себя группу монахов, стремившихся в этой трудной ситуации продвинуться к руководству обителью. Средством для этого стало выдвинутое Г. Шишкиным обвинение, что монастырский казначей Иосиф Девочкин находится в тайных сношениях с поляками¹⁸. Казначей получил поддержку архимандрита, соборных старцев и второго воеводы А. И. Голохвастова, но на сторону недовольных встал и первый воевода князь Г. Б. Долгорукий¹⁹. В результате казначей был подвергнут пытке и вскоре скончался. После этого в письмах к находившемуся в Москве келарю монастыря Авраамию Палицыну Г. Долгорукий и Г. Шишкин поставили вопрос о том, что монастырская казна осталась без присмотра и расхищается и просили келаря исхлопотать в Москве приказ о передаче надзора за казной надежному лицу, каковым в первую очередь мог быть сам Гурий²⁰. С передачей ему надзора за казной скромный дьякон оказался бы одним из первых лиц в крупнейшем монастыре Русского государства. Материалы, известные уже ранее, показывают, что в этих интригах расчеты на поддержку близкого ко двору и влиятельного келаря занимали важное место и имели основание: в своем письме Палицыну Гурий называет себя «твоего жалованья вскормленник», а в написанном позднее «Сказании» Авраамий полностью поддержал обвинения Г. Шишкина по адресу казначея.

¹⁵ АИ, т. II, № 242/III.

¹⁶ АИ, т. II, № 241.

¹⁷ Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 161.

¹⁸ Отсутствие сведений о таких сношениях в «Дневнике Яна Петра Сапеги» делает эти обвинения весьма проблематичными.

¹⁹ В этой связи представляется совершенно не случайным, что публикуемое письмо Г. Шишкина было отправлено вместе с письмом Г. Долгорукого, содержащим жалобы на А. И. Голохвастова.

²⁰ Подробнее об этом эпизоде см.: Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, с. 378—379.

Публикуемое письмо Г. Шишкина вносит в эту картину несколько любопытных штрихов. Во-первых, письмо, адресованное брату Г. Шишкина — Льву, дает новые доказательства близости дьякона к троицкому келарю: именно по его советам должен действовать Лев Шишкин, устраивая дела брата в Москве. Во-вторых, оно дает важные данные о том, из какой среды происходил молодой троицкий монах. В адресе письма его брат назван «стремянным конюхом», а стремянные конюхи принадлежали к одной из наиболее привилегированных прослоек дворцовых слуг, повседневно по роду своих занятий общавшихся с царем и его окружением. Именно во время службы во дворце до пострижения Г. Шишкин мог стать известным царю Василию Шуйскому. Его слова о том, что к нему «есть милость государева», так как его «правда» стала царю известна, заставляют вспомнить рассказы современников о донощиках — «шептунах», которых жаловал и приближал к себе Шуйский. Вероятно, такие «заслуги» и давали основание дьякону рассчитывать на большую карьеру. Однако со свержением царя Василия эти надежды были погребены. Г. Шишкин не только не добился какой-либо должности в монастыре, но должен был вообще его покинуть ²¹.

В публикуемых ниже письмах не указано деление на строки в связи с тем, что это не было предусмотрено автором при снятии копии в архиве.

1

Письмо Иваца Гаврилова

2 июля 1609 г.

|л. 26 |Гдрю моему брату Ивану Гавриловичю да гдрю моему зятю Федору Окуловичю да сестре моеи Овдотье Гавриловне да Фетине Гавриловне Иванко Гаврилов челом бьет бутте гдри здравы на многие лѣта как вас бгъ милует а пожалуете похотите про мена спросити и яз бяжею млстию у Троицы в мнстыре июля по В е число живъ а впреди бгъ вѣсть да Даре Федоровне племяннице моеи великое челобите а аз вам мало пишу а много челом бью

|л. 26 об. | Дати сѧ грамотка на Москве у Николы на Старом Ваганкове свашенику Никифору Вознесенъ-

²¹ Там же, с. 379.

скому а он бы пожаловал *отдал* Авдоте Ивашковы сестры

Дати ся грамотка на Москвѣ дьякону Никифору Вознесенскому а онъ бы пожаловал *отдал* сию грамотку Овдотьѣ Ивашкове сестрѣ что Ивашка у Данила живаль

Oddział rękopisów Biblioteki PAN w Krakowie, N 360. Papiery publiczne Chodkiewiczów, k. 26

2

Письмо Гурья Шишкина брату Льву

4 июля 1609 г.

|л. 610| Гдноу моему братоу Льву Василевичю Живоначальные Троицы Сергиева мнстыря старец Гурей Шишкин челом биет как тебя брата милова бгъ сохраняет а про меня спросиши и та в мнстыре Живоначальные Троицы и прпдобных чюдотворцов Сергия и Никона июля по Д днь дал бгъ живъ а впреди бгъ волен пиши ко мнѣ братец как тобѣ бгъ милует да писал та келарю о тебе чтобы тебе пожаловал дал пять рублей денег а ко мнѣ бы *отписал* в мнстыр и та в казну заплачу и боудет тебе надобе денги и ты бы сходил до келарѣ да ему сию грамоткоу что та тебе писал о денгах да и рука моѣ и будет тебе денег не *пдасть*¹ пожалует келар старец Аврамеи и ты ко мнѣ отпиши грамоткоу а побей челом келарю же чтобы ко мнѣ пожаловал сослал да послал я челобитную келарю старцоу Аврамию чтобы пожаловал поднес гдрю црю чтобы гдръ пожаловал велел дати грамоту к воеводе нашему кыязю Григорью Борисовичю Долгорукому чтобы меня *отпустил* к Москве и тебе бы проведати оу келарѣ да и побити челом чтобы пожаловал промыслил а боудет келар молвыт *бе*² де челом ты и ты *бей* челом а милость гдрва ко мнѣ есть и помнит меня именно гдръ и правда моѣ до нево гдрѣ дошла здравствуи о хе

|л. 610 об.| А челобитную возми у келарѣ мою как тебе бити челом

[Да]ти сию грамоткоу стреманному конюху Льву Шишкину

Oddział rękopisów Biblioteki PAN w Krakowie, N 360. Papiery publiczne Chodkiewiczów, k. 610

л. 610: ¹ Так в ркп., подастъ? ² Так в ркп., бей?